

КАК СТРАНА РАСКИНУЛАСЬ ШИРОКО...

ЕКАТЕРИНА ИСАЕВА

Мне девятнадцать лет,
я родилась и выросла
в Самаре. Два года назад
переехала в Москву и с тех
стараюсь взять лучшее
от обоих городов. Учусь
в Литературном институте
на очном отделении, окан-
чиваю второй курс. Стараюсь
через стихи вести диалог
с читателем о самом соχρο-
венном, оставаясь при этом
за кадром.

* * *

И светофор отбрасывает тень,
и все – братан с сеструхой во Христе,
а пахнет пивом, потом и тюрьмой,
вернувшись в дом – не попадешь домой.
Лет триста как не ходят поезда,
заместо модных треков – свист дрозда,
когда-то был насупленный острог,
а вырос город дураков, дорог,
несбывшихся надежд и драных шуб,
помадой цвета фуксий крытых губ,
блатных мальчишек, и девиц-лисиц,
и мелом нарисованных границ.

Очерчен круг, и мне не убежать,
наверно, остается только ждать
и грезить о столичном городке,
не о «Столичной», кильке и тоске.
Там всем вольготно, нежно и легко,
там льется без лактозы молоко,
и треники для йоги – как броня,
и есть, пожалуй, место для меня.
Там спят на шелке, сдернув балдахин,
там с дипломатом ходит божий сын,
уехавший от нас давным-давно,
чтоб матча-латте превратить в вино,
там нету боли, органов опек,
и белый, а не темно-бурый, снег,
и я пешком туда еще рвану,
простив родной свой город за вину.

ДЕВОЧКИ

Девочки – секретничают в углу.
Девочки – коречатся на полу.
Есть у них красивые пальцы ног,
шерсти плохо вычесанной клубок,
есть приличный смех, лошадиный есть,
знание, как правильно строить мечь,
слезы крокодильи, правдивый плач,
утонувший в луже надутый мяч,
пятнышки родимые на спине,
мысли о любви, мысли о войне,
декабрист увядший, кротон живой,
только нет согласия с самой собой.

Им бы спать да спать до конца времен,
в позапрошлом веке трепать бы лен,
в прошлом – строить новенькие станки,
в этом – под знамена хватать полки.
Прикипеть душой, отодрать и вновь,
начитавшись ленты, позвать любовь,
приготовить вафли, выйти на ринг,
вспомнить, как поют Элтон Джон и Стинг,
поумнеть, обжечься, закостенеть
и все время петь, до истомы петь.

Им бы никогда не узнать о том,
как под капремонт попадает дом,
как противно скисшее молоко,
как страна раскинулась широко,
почему «Титаник» и «Курск» на дне,
как сыграть «Жизель» на одной струне.
Но они узнают и не уснут.
Праймер лишь размажут – и на редут.

ОПЕРЕТТА

В оперетте нет страданий и несчастного конца,
там за маской вычисляют любоддея-подлеца,
у графинь и у субреток пальцы в кольцах, все в цвету,
и сопрано может верхней «соль» призвать для нас мечту.

Только я-то не сопрано, у меня ни бе, ни му –
может, потому и в жизни я не верю никому,
был ваш мистер Икс да слился, захватив с собой ключи,
а на фоне не оркестр, а тромбон нудит-звучит.

Мне б на сцену, я смогла бы, хоть Адель, хоть де Сегюр,
веерочком бы махала в ожиданье авантю,
танцевала на подмостках, пусть и с грацией козы –
но зато никто на свете не добился бы слезы.

Вместо кружева – вискоза, и ансамбль где-то спит,
либреттист мой неудачник все рифмует щит на shit,
но я верю, увертюра, рано ль, поздно ль, отомрет,
и начнется представленье, и начнется мой полет.